

Учительная литература, перечисляя те добрые качества, которыми должен быть наделен носитель власти, несомненно опиралась на «общественный опыт», подсказывавший, как часто «властям» недостает этих качеств. Именно этим объясняется изречение Епиктита, обязывающее «мужа умна и мудра» не уклоняться от предлагаемой ему власти: «Безаконно бо есть умна отвести, а незаконна привести. Несмыслени же суть, иже и злыми владеемы бывают. Люто бо есть и горко, аще злии над добрыми владеють, и несъмыслени над умными» (Пчела, стр. 110).

Как видим, учительная литература теоретически подготовила к XVII в. русских историков и их читателей к размышлениям над человеческим характером — над его сложностью и противоречивостью, над совмещением в нем доброго и злого начала. Эта литература широко осветила и проблему влияния на характер и поведение людей окружающей среды, противопоставив благотворное воздействие истинных друзей вреду, наносимому лукавыми, льстецами, клеветниками. Общественный опыт тяжелых лет Смуты начала XVII в. действительно впервые побудил писателей-историков не только задуматься над тем, как давно знакомые психологические представления конкретизируются в поступках современных им исторических деятелей, но и изложить литературно свои размышления. В самом способе изображения характера этих деятелей явно ощущается, однако, и литературный опыт: традиции учительных жанров определили многое в психологических портретах главных исторических деятелей начиная с Ивана Грозного.

* * *

Следующий этап в истории изображения человеческого характера Д. С. Лихачев справедливо связывает с развитием разных форм демократической литературы середины и второй половины XVII в. Возникает вопрос: с какой традицией сближается этот новый стиль и новое отношение к человеку?

Исследователи демократической литературы XVII в. уделили немало внимания воздействию на нее разных видов деловой письменности, фольклора и, разумеется, исторической действительности. Подводя итоги их наблюдениям и выражая свою точку зрения, Д. С. Лихачев с этим связывает появление вымышленных или безымянных героев «среднего или низкого общественного положения», вызывающих горячее сочувствие автора (Человек в литературе, стр. 112), что служит путем «к созданию типических, вовсе не идеализированных образов» (стр. 114) и «открытию ценности человеческой личности» (стр. 136—146).

Все эти черты были действительно новыми по сравнению с теми жанрами XI—XVI вв., которые в той или иной мере стремились к «историзму», каким его представляли в данную эпоху. Но были ли и за пределами фольклора и деловой письменности предшественники таких обобщенных героев, в которых «читатель мог узнавать многих», в том числе иногда и самого себя? Не предлагали ли где-нибудь раньше читателю задуматься над вопросом о «ценности человеческой личности»?

«Нормативный идеал» весьма отчетливо выражен в древнерусской литературе. Однако не следует забывать и того, что отход от него и оправдание человека, который, с церковной точки зрения, не мог не считаться «грешником» (Человек в литературе, стр. 114), точнее даже не оправдание, а сочувствие, жалость к нему были знакомы читателю задолго до XVII в. Пчела, посвящая большой раздел наставлениям о милостыне, делает упор на то, что помогать надо каждому нуждающемуся